

— Брат, сдать математику на шестьдесят баллов в старшей школе — это тебе не просто.

— Ты потом дашь мне списать?

Цинь Чу, слушая это в стороне, усмехнулся.

Ученик перед ним обернулся:

— Ты списывать будешь?

Место того, кто сдал на шестьдесят, было ближе к Цинь Чу, так что, если списывать, то передавать шпаргалку через него было безопаснее.

— Я не буду списывать у него.

Тот парень сказал:

— А ты можешь передать мне шпаргалку?

Цинь Чу:

— Не буду.

Парень подумал, что Цинь Чу немного недружелюбен, но, встретившись случайно, не стал затевать драку в аудитории.

Он повернулся, а Цинь Чу вытянул ногу и пнул Лу Туна:

— Эй. Тот, кто сдал на шестьдесят, предлагает мне списать бесплатно, а тебе не стыдно?

Лу Тун сидел на своем месте, весь его вид был холоден, и, кроме Цинь Чу, который не замечал этого, остальные, увидев его каменное лицо, боялись заговорить с ним.

Цинь Чу дразнил его, но тот не реагировал.

К сожалению, этот человек не смотрел на выражения лиц, и, не получив ответа, пнул его второй раз:

— Говорю же. Сколько ты получил на итогах по математике?

Лу Тун холодно ответил:

— Сто пятьдесят.

Цинь Чу на миг замер:

— Неплохо. А сколько максимум?

Лу Тун сухо произнес:

— Сто пятьдесят.

Цинь Чу внезапно замолчал.

Лу Тун наконец дождался, когда тот успокоится, и сам вздохнул с облегчением.

Но эта тишина Цинь Чу длилась слишком долго.

Он вряд ли мог подумать, что его результат напугал Цинь Чу. Когда первая часть экзамена подошла к концу, Лу Тун обернулся и увидел, что Цинь Чу спит на столе.

На экзамене по китайскому языку он не списывал, что было понятно.

Лу Тун странно подумал.

Но потом на экзамене по математике Цинь Чу тоже не просил у него ответов. Экзамены для первого и второго курсов были разными, но для Лу Туна задачи для первого курса не представляли сложности, и даже если он не мог набрать максимум, то сто сорок баллов были ему по силам.

Поэтому Лу Тун наконец почувствовал, что-то неладное.

После математики утренние экзамены закончились.

Как только прозвенел звонок на обед, ученики мгновенно исчезли из класса.

Лу Тун немного поколебался, затем легонько толкнул Цинь Чу.

— Цинь Чу, экзамен закончился.

Цинь Чу от его толчка никак не отреагировал.

Лу Тун понял, что с ним что-то не так, и быстро потрогал его лоб: у него поднялась температура.

Не только температура, но и лицо было бледным, словно он страдал от боли.

Лу Тун торопливо сказал:

— Цинь Чу, ты меня слышишь? Тебе что-то не так?

Цинь Чу был разбужен его тряской, открыл глаза и посмотрел на него.

Лу Тун не стал больше спрашивать, просто сказал:

— Сначала сходим в медпункт.

Дождь с прошлой ночи не прекращался.

Даже с хорошей дренажной системой в школе, на земле скопились лужи, и, наступив в одну, можно было промочить штаны до колен. Цинь Чу не хотел идти в медпункт, и Лу Тун привел его в общежитие. В международном отделении общежития правила были нестрогие, и, даже если они вернулись посреди дня, дежурная тетя ничего не сказала.

Цинь Чу лежал на кровати, а Лу Тун покопался в комнате и нашел лекарство от простуды.

Он сел перед кроватью, налил Цинь Чу стакан горячей воды и спросил:

— Цинь Чу, кроме простуды, тебя что-то еще беспокоит?

Простая простуда вряд ли могла заставить его лежать без движения на экзамене.

Цинь Чу полежал немного, лишь затем выдавил:

— ...Живот болит.

— Живот болит? — удивился Лу Тун. — С чего бы вдруг? У тебя больной желудок?

Цинь Чу закрыл глаза и молчать.

«Боль в животе от мороженого — и скажи об этом правду!»

Если Лу Тун узнает, он же до смерти засмеет.

«Нет, ни за что не хочу терять лицо.»

Лу Тун посмотрел на время, затем на Цинь Чу.

Его характер не был склонен к вмешательству в чужие дела, и, конечно, он не был склонен помогать.

Привести Цинь Чу из класса в общежитие — это уже было нечто невероятное для него. Лу Тун считал, что он сделал достаточно, и их отношения на этом заканчивались.

Помогать дальше было бы перебором.

Однако, выйдя из общежития и оказавшись в коридоре, он не смог остановиться, подумав: «Боль в животе не пройдет сама, может, купить ему лекарство и оставить его в покое.»

Это казалось логичным.

Лу Тун продолжил размышлять: «И сейчас мне нужно его расположение, нельзя относиться к нему, как к другим, чтобы он потом не держал на меня зла.»

Он шел и придумывал оправдания, пока не дошел до лифта, наконец найдя все нужные причины.

— Ладно, — подумал Лу Тун, не подавая вида. — Помочь ему по-человечески — это не значит заботиться о нем. Куплю лекарство и уйду, не задерживаясь на экзамен.

С таким решением Лу Тун спустился вниз и направился не к учебному корпусу, а к медпункту за столовой.

Он купил кучу лекарств для желудка и вернулся в международное общежитие.

Цинь Чу, похоже, действительно сильно болел.

За то время, пока Лу Тун ходил, он не изменил позу.

Лу Тун развел лекарство и заставил Цинь Чу выпить.

Лекарство для желудка, откуда бы оно ни взялось, едва попало в рот Цинь Чу, как тот уже хотел его выплюнуть.

Лу Тун, увидев это, строго сказал:

— Не смей выплевывать!

Лекарство осталось во рту Цинь Чу.

Лу Тун:

— Если хочешь вылечиться — пей лекарство, понял? Ты уже взрослый, а боишься горечи?

Цинь Чу, морщась, проглотил лекарство.

Если бы кто-то другой увидел это, он бы удивился.

Цинь Чу слушается кого-то?

Даже его отец бы не поверил.

Лу Тун, убедившись, что он выпил, достал из кармана конфету и сунул её в рот Цинь Чу.

Он переоделся в чистую одежду, а мокрую от дождя форму бросил в стиральную машину.

— Я пошел на экзамен. Ты оставайся в общежитии, не ходи.

Лу Тун сказал.

В конце концов, с такими баллами Цинь Чу, сдавать или нет — разницы нет.

Сказав это, он хотел уйти, но вдруг Цинь Чу протянул руку и обнял его за талию.

Лу Тун сидел на кровати, а Цинь Чу лежал за ним, и его руки легко обхватили талию Лу Туна.

Он не проснулся, но его хватка не позволяла Лу Туну уйти.

Цинь Чу был болен, и его сила была невелика, но рука на талии Лу Туна казалась невероятно тяжелой, удерживая его в комнате.

Его верхняя часть тела напряглась, феромоны Цинь Чу действовали внутри него, не позволяя ему выйти из комнаты.

...Черт.

Лицо Лу Туна покраснело.

Он несколько раз пытался заговорить, но не смог, и через пять минут все еще сидел на кровати, не двигаясь.

Цинь Чу пробормотал:

— Остайся со мной.

Лу Тун наконец нашел свой голос:

— Не нои, на меня это не действует. — Подумав, добавил:

— У меня еще экзамен.

Цинь Чу замолчал.

Он замолчал, но стал использовать свои феромоны — можно сказать, выпрашивать жалость.

Феромоны Цинь Чу были холодным ароматом розы, который обычно казался холодным и высокомерным, трудно доступным. Но в болезни он приобрел немного жалобный молочный оттенок, смешанный с холодным ароматом, как маленькая собачка, кружащая вокруг Лу Туна.

Лу Тун вдруг вспомнил маленькую розу из сказки, которую он читал утром, такую же самовлюбленную и трогательную, как Цинь Чу.

— Если нынешний Цинь Чу можно назвать трогательным.

Это вызывало жалость.

Лу Тун вздохнул.

— Я ему в прошлой жизни должен?

Он задался вопросом.

— Отпусти. Я не уйду, не используй феромоны.

Цинь Чу притворился непонимающим:

— Живот болит.

Его голос стал мягче, более жалобным, и Лу Тун, чувствуя, как уши краснеют, наконец сдался.

Видимо, нытье на него все же действует. Цинь Шиу сам научился этому, вероятно, унаследовав от Цинь Чу.

Цинь Чу внутренне торжествовал, думая: «Мужчины всегда сдаются перед нытьем, если не с первого раза, то со второго.»

Он даже гордился собой.

Цинь Чу горел, обнимая Лу Туна, как кусок сухого льда, феромоны Лу Туна были как мороз, отлично охлаждали, и Цинь Чу, почувствовав облегчение, не хотел отпустить.

<http://bllate.org/book/16741/1561443>